

КИНОПРЕМЬЕРА МИРОВОГО МАСШТАБА

МАЙКЛ
ДОББС

**КАРТОЧНЫЙ
ДОМИК**

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д55

Michael Dobbs

HOUSE OF CARDS

Copyright © Michael Dobbs 1989

Фото автора © Photo by Jim Pascoe

Доббс, Майкл.

Д55 Карточный домик / Майкл Доббс ; [пер. с англ. В. А. Гольдича, И. А. Оганесовой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Кинопреьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-699-86393-8

Фрэнсис Уркхарт, главный организатор правящей партии Великобритании, недоволен своим нынешнем положением. Должность у него, конечно, высокая, но реальной власти не дает. А Фрэнсису хочется принимать участие в действительно больших делах, наряду с избранными управляя страной. Он приложил все усилия, чтобы на очередных выборах премьер-министр пусть и с трудом, но сохранил свой пост. После этого Фрэнсис представил ему план изменения состава Кабинета министров, намекая на свои заслуги. Однако премьер уже принял план дальнейших действий, и в нем, увы, нет места Уркхарту. И тогда Фрэнсис решает отомстить. Причем сделать все так, чтобы премьер-министр был уничтожен, а он, Уркхарт, занял его место. И это будет поистине страшная месть...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-86393-8

© Гольдич В. А., Оганесова И. А., перевод
на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Вступление

Двадцать пять лет назад произошло самое великолепное, восхитительное, возбуждающее событие, которое полностью изменило мою жизнь. Этим событием стала книга «Карточный домик».

Я находился на крошечном островке Гозо в отвратительном настроении и жаловался на все на свете: на солнце, на море и особенно на последний бестселлер. И в конце концов моей подруге это надоело. «Хватит вести себя как напыщенный придурок, — сказала она. — Если ты считаешь, что можешь написать лучше, ради всех святых, сядь и напиши! Я приехала в отпуск не для того, чтобы слушать твои стоны по поводу этой проклятой книги».

Вдохновленный ее поддержкой, я отправился к бассейну. До сих пор мне не приходила в голову мысль написать роман, но я вооружился блокнотом, ручкой и бутылкой вина — иными словами, всем необходимым для того, чтобы стать писателем, кроме, разумеется, таких досадных мелочей, как Характеры и Сюжет. О чем я вообще мог написать? Я мысленно вернулся на несколько недель назад, к причине, по которой так переживал и пребывал в столь отвратительном настроении.

Штаб консервативной партии. 1987 год. За неделю до дня выборов я занимал пост главы предвыборного штаба Маргарет Тэтчер. Она должна была одержать третью — рекордную в истории — победу на выборах, но сочетание фальшивых опросов общественного мнения и не характерной для нее нервозности убедило Мэгги, что она мо-

жет потерпеть поражение. Тэтчер уже несколько дней нормально не спала, мучилась от непроходящей зубной боли и считала, что страдать должен кто-то другой. Этим другим оказался я. В день, ставший известным как «Качающийся четверг», Тэтчер страшно бушевала, устроила настоящий разгром и была самым дичайшим образом несправедлива. Ее метафорическая сумка раз за разом летела в мою сторону, и я уже собрался стать строкой в истории, написанной мелким шрифтом.

Когда она покинула комнату, заместитель премьер-министра Вилли Уайтлоу, этот мудрый старый филин, закатил глаза и объявил: «Эта женщина никогда больше не будет сражаться на выборах». Уже тогда он видел семена самоуничтожения, довольно скоро ставшие заметными всему миру.

И вот теперь я сидел рядом с бассейном, и слова Вилли снова звучали у меня в голове. Я потянулся за ручкой и вином. После трех бутылок я решил, что нашел главного героя для своей книги — с инициалами ФУ — и придумал сюжет. Сюжет о заговоре, направленном на то, чтобы сместить премьер-министра. Вот так родился «Карточный домик».

Я не собирался его опубликовать — для меня он представлял собой что-то вроде лекарства, — но, благодаря чудесной и совершенно незапланированной удаче, моя книга вскоре стала бестселлером, а на Би-би-си сделали из нее сериал в жанре политической драмы с великолепным Иэном Ричардсоном в главной роли, завоевавший кучу премий. Обидевшись на действующую политику, я ушел в отставку и полностью отдал себя писательскому делу. Теперь, через двадцать пять лет после того, как книга увидела свет, ФУ снова изменил мою жизнь. ФУ и Кевин Спейси со своим новым и сенсационным телесериалом. Так что в моем карточном домике ведутся ремонтные работы.

Не стоит ожидать, что книга и сериал будут совершенно одинаковыми. Художники адаптируют произведения, чтобы оставить на них след замечательных мастеров. В новой

версии даже конец другой. Если б я писал эту книгу сейчас, то, думаю, годы учения писательскому ремеслу привели бы к большому количеству изменений и стилистических улучшений в ней. Но в любом варианте «Карточный домик» является исследованием человеческой порочности и коварства. Погрузитесь в него. Получите удовольствие.

Итак, стоило ли мне ради моих дальнейших успехов вытерпеть тогда поношения Мэгги Тэтчер? Ну, как звучит та фраза? Вы можете сказать, что стоило, но я не стану ничего комментировать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ _____

ПЕРЕСТАНОВКИ

Четверг, 10 июня

Ей казалось, что прошло всего одно мгновение с тех пор, как она закрыла глаза, и вот уже утреннее солнце разбудило ее, пробравшись сквозь штору и устроившись на ее подушке. Она сердито повернулась на другой бок, возмущенная непрошеным вторжением. Последние недели выдались невероятно тяжелыми: они были наполнены перекусами на ходу, которые не желали перевариваться, и ночами, когда ей не удавалось выспаться. Все тело у нее отчаянно болело, как будто его тянули в разные стороны сроки сдачи статей, установленные главным редактором.

Она поплотнее закуталась в одеяло, потому что, несмотря на теплое летнее солнце, ее знобило. Так продолжалось почти целый год, с тех самых пор как она уехала из Йоркшира. Мэтти надеялась, что сможет оставить в прошлом боль, но та продолжала отбрасывать длинную холодную тень, которая, казалось, следовала за ней повсюду, особенно когда она оказывалась в постели. Будучи не в силах согреться, Мэтти зарылась лицом в комковатую подушку и попыталась философски посмотреть на жизнь.

В конце концов, она избавилась от отвлекавших ее эмоциональных проблем, и теперь ничто больше не мешало ей выяснить, сможет ли она стать лучшим политическим обозревателем в жестоком мире мужчин. Впрочем, философствовать, когда у тебя ледяные ноги, довольно трудно.

И тем не менее она считала, что положение одинокой девушки — это отличная базовая тренировка для выживания в мире политики: постоянная опасность поддаться милой

улыбке или шепотом рассказанному секрету, бесконечные клятвы в верности и любви, которые прикрывали — совсем ненадолго — браваду, преувеличение и мелкие обманы, постепенно становившиеся все крупнее и серьезнее, оставившие после себя упрёки и в конце концов горечь.

За последние недели ей довелось услышать больше возмутительных и пустых обещаний, чем за все время после... того, как она уехала из Йоркшира. На нее нахлынули болезненные воспоминания, которые окончательно выстудили кровать и окутали ее ледяным холодом.

Вздохнув, Мэтти Сторин отбросила одеяло и выбралась из постели.

* * *

Когда июньское небо начало темнеть, с глухим щелчком включились четыре набора автоматических ртутных ламп, которые залили мощным, на десять тысяч ватт, сиянием все здание. Ослепительные лучи света миновали фасад особняка, выстроенного в подражание георгианскому стилю, отыскали находившихся внутри людей и набросились на них. В окне четвертого этажа дрогнула занавеска: кто-то быстро выглянул наружу и так же быстро отступил.

Мотылек тоже увидел лампы. Он дожидался наступления ночи в щели стены из известняка. Когда его дремоту нарушили первые лучи света, крошечная бабочка задрожала от возбуждения. Мощный свет ламп завораживал ее, а зов его был таким сильным, какого она еще никогда не испытывала. Мотылек расправил крылышки, когда свет начал согревать вечерний воздух, и его маленькое тельце задрожало еще сильнее. Свет притягивал его точно магнитом, и по мере того, как он к нему приближался, гипнотическое сияние ламп становилось все сильнее.

До этого мгновения ночная бабочка не знала ничего подобного. Свет напоминал ей солнце, но был гораздо более доступным. Мотылек напряг крылышки в прохладном воздухе раннего вечера и помчался вдоль золотистой реки, являвшейся источником невероятной силы, который все

глубже затягивал охваченное восторгом насекомое в свои сети. Бабочка подлетала все ближе и ближе... Последним победным движением она взмахнула крылышками и оказалась у цели!

За долю секунды до того, как мотылек ударился о проектор и его крылышки коснулись обжигающего стекла и сгорели, возникла короткая вспышка света, а затем почерневшее тельце насекомого упало на землю. Ночь пожрала свою первую жертву.

Сержант полиции выругалась, споткнувшись об один из тяжелых кабелей, но техник смотрел в другую сторону. В конце концов, черт подери, где он мог спрятать мили проводов, заполнивших площадь? Изящная церковь Святого Иоанна, творение архитектора Рена, с мрачным осуждением взирала на происходящее. Казалось, можно было почувствовать, как она хочет стряхнуть с себя толпы техников и зевак, которые облепили ее основание.

Стрелки древних часов на колокольне давно замерли на двенадцати, как будто церковь пожелала, чтобы время остановилось — в попытке не подпускать к себе гнетущее вторжение нынешнего века. Однако оно неумолимо наступало, точно язычники-мародеры, наступало все сильнее с каждой проходящей минутой.

Сумерки раскрасили небо алыми полосами над Вестминстером — над четырьмя башнями церкви, построенными из известняка и словно парящими в воздухе. Однако до конца дня еще было далеко, и должно было пройти много часов, прежде чем на Смит-сквер вернутся привычные ей мир и покой, которым придется сперва миновать кучи мусора и горы пустых бутылок.

Некоторые местные жители, находившиеся на площади в течение всей кампании и пережившие ее разрушительные последствия, вознесли благодарственные молитвы Святому Иоанну и его Создателю за то, что этот кошмар подошел к концу. И за то, что выборы происходят лишь раз в три или четыре года.

Высоко над площадью в передвижном вагончике, установленном на плоской крыше штаба партии, следившие за порядком на выборах детективы из спецподразделения наслаждались относительным покоем, поскольку все главные политики покинули Лондон и отправились в свои избирательные округа в последней попытке собрать дополнительные голоса. В одном из углов шла игра в покер, однако детектив-инспектор отказался присоединиться к игрокам. Он знал способы получше, чтобы расстаться со своими деньгами.

Весь день инспектор думал про девчонку, служившую в дорожно-транспортном подразделении Скотленд-Ярда, которая отличалась сдержанностью и потрясающими деловыми качествами на работе, но после нее была невероятно горячей и страстной. Инспектор не видел жену почти месяц, с тех самых пор, как началась предвыборная кампания, но и с девчонкой тоже не встречался. Однако впереди маячили первые выходные, и ему требовалось выбрать между удовольствиями, щедро предоставляемыми любовницей, и растущими подозрениями супруги. Инспектор знал, что она не поверит ему, если он скажет, что на выходных снова будет на дежурстве. Так что детектив весь день пытался решить, стоит ли ему рискнуть.

Он безмолвно выругался, снова услышав спорящие внутренние голоса, которые пытались перетащить его каждый на свою сторону. В общем, ситуация была просто отвратительной. Твердость, с какой он себя вел на комиссиях по присвоению воинских званий, покинула инспектора, и он пришел к выводу, что пришла пора сделать то, что он делал в подобных случаях — предоставить картам принять решение.

Не обращая внимания на насмешки игроков в покер, детектив достал из кармана колоду карт и начал медленно строить фундамент карточного домика. До сих пор ему ни разу не удалось преодолеть шестой уровень, и он решил, что

если сможет выйти на седьмой, то проведет выходные с подружкой — и будь что будет.

Решив немного помочь Судьбе, полицейский усилил фундамент домика дополнительными картами. Разумеется, он смухлевал, но, с другой стороны, разве не об обмане он вообще сейчас думал? Инспектор закурил, чтобы немного успокоить нервы, но от дыма у него начали слезиться глаза, и он поменял сигарету на чашку кофе. Это оказалось ошибкой. Когда большая доза кофеина попала детективу в желудок, он почувствовал, что узел внутри сжался сильнее, увеличивая напряжение, и карты у него в руках задрожали.

Медленно, осторожно, чтобы не потревожить растущее сооружение, он встал из-за стола, подошел к двери и принялся оглядываться по сторонам, вдыхая свежий вечерний воздух. Лондонские крыши купались в красном сиянии заходящего солнца, и мужчина представил, что находится на одном из островов Тихого океана, наедине со своей горячей подружкой и волшебным запасом холодного пива. Он почувствовал себя лучше и с новой решимостью вернулся к картам.

Казалось, что они легко, без особых усилий с его стороны поднимаются вверх. Вот строитель уж добрался до шестого уровня, его собственного рекорда, и начал быстро выкладывать седьмой, чтобы не нарушить ритм. Осталось всего две карты, он почти справился, но когда предпоследний картонный прямоугольник замер на расстоянии полдюйма от вершины, у инспектора снова задрожала рука. Проклятый кофеин!

Мужчина пошевелил пальцами, чтобы снять напряжение, и опять взял со стола карту. С силой сжав левой рукой правую, он начал медленно поднимать карту и с облегчением вздохнул, когда та уверенно заняла место поверх других. Осталась всего одна. Но, как он ни старался, ему больше не удавалось унять дрожь в руке. Башня превратилась в большой фаллический символ, ее создатель мысленно видел